

О.С.Тульская

О ПОЭМЕ ФИЛОСОФА И.А.ИЛЬИНА «НАШЕ ЖИЛИЩЕ, ИЛИ БЫТ И БЫТИЕ ИЗГНАННИКОВ»

Рассматривается поэтическое творчество русского философа И.А.Ильина. Анализируется его поэма, посвященная обстоятельствам жизни четы Ильиных в Швейцарии. Обращено внимание на поэтический стиль, своеобразный юмор и отражение в стихах биографических фактов.

Ключевые слова: поэтическое творчество философа, ильинский юмор, духовный план, «портрет души», одухотворение бытового пространства, автобиография

Основная часть литературного наследия русского философа И.А.Ильина представлена прозой, поэтические произведения здесь редки. Однако в архивах и среди опубликованных материалов стихотворные опыты можно обнаружить. Как убедительно заявил Ю.И.Сохряков в своей монографии «И.А.Ильин — религиозный мыслитель и литературный критик», творческое наследие этого автора — «поистине неисчерпаемо», это «живая поэзия мысли и сердца» [1, с. 248-249]. В первую очередь ученый обратил внимание на основные мотивы духовно-философской прозы русского мыслителя. Как верно определил Ю.И.Сохряков, она «обладает несомненными художественными достоинствами» и «необыкновенно самобытна» [1, с. 248]. Нами исследовались и другие аспекты словесного творчества философа, его сатирические произведения, публицистика [2].

Поэзия сопровождала всю жизнь Ивана Ильина. Сохранилось его юношеское стихотворение в прозе «Вечное», стихи о замке Зеон в Германии [3]; в архивах хранятся многие шуточные стихотворения и эпиграммы философа. Недавно появилось в печати его прощальное стихотворение, которое так и названо — «Перед уходом».

Господи! Угасает свеча,
Иссякают телесные силы...
Что мы все без Твоего луча
У земной могилы?! [4].

Часть стихов впервые опубликована в дополнительном томе собрания сочинений Ильина, имеющем название «Письма. Мемуары». Поэма «Наше жилище, или Быт и бытие изгнанников» — наиболее крупное стихотворное произведение философа. Ранее поэма не публиковалась, она хранилась в его личном архиве со времени создания, с 1939 года. Эти 25 страниц, написанных свободным стихом в 1939—1940 годах в маленьком швейцарском городке Цолликоне, где Ильины обрели приют после тяжких странствований, были знакомы при жизни философа лишь самым близким его друзьям. Скорее всего, автор не планировал обнаружить поэму, но ныне возможность познакомиться с ней открывает нам новые грани художественного таланта, характера и биографии Ильина.

Философ переехал в Швейцарию после того, как чудом вырвался из гитлеровской Германии, пережив несколько арестов за отказ сотрудничать с фашистами, полное запрещение на работу и публикации. Когда Ильин и его супруга Наталья Николаевна поселились в пригороде Цюриха Цолликоне, он также не имел права вести политическую деятельность, публиковать многие из своих сочинений. В результате единственным источником средств для семьи, кроме помощи друзей, стали лекции о русской культуре. Он продолжил работу над своими духовно-философскими произведениями, многие из которых были опубликованы уже после его смерти. Среди них и эта поэма.

Важными особенностями данного автобиографического произведения является соединение лирики, юмора и почти документального описания реальности, совпадение личности рассказчика и автора. Вместе с ним читатель движется по небольшой квартирке, которую удалось снять. Во вступлении философ шуточно обещает:

Восхвалить моё жилище,
Что послал мне средь дорог
Своей благостию Бог...
А жилищем я доволен,
Ибо я в нём думать волен,
Думать сердцем, и любить,
И, помыв, говорить,
Как Бог на душу положит
И как совесть мне поможет,
Против дела сатаны,
Верен чести и Предмету
И премудрому совету
Богом данной мне жены... [5, с. 245-246].

Тон повествования становится то шутивным, то серьёзным. Удивительным образом Ильину удалось лаконично сформулировать самую суть своей жизни, её смысл и цель. Стиль стихов здесь напоминает язык любимых автором пушкинских сказок.

Цолликон живописно расположен среди гор, на зелёном берегу большого озера, и если бы не опасный местный климат, принесший болезни, это место стало бы для Ильиных идеальным убежищем. Но дом, где супругам удалось снять жилье, был далёк от совершенства. В главе «Дом» Ильин отмечает неудобства ввиду его расположения: шум от гаража, хорошо слышимые чужие разговоры, детские крики, радио («Хитлер два часа орёт» — историческая примета времени, следствие необычайно тонких стен). Здесь пыль, запах от развешанного кругом для просушки белья, поскольку рядом прачечная. Несмотря на это, каждая строка пронизана благодарностью за дарованный им уголок, в котором писатель с женой нашли кров для труда и размышлений:

Что поделать? Всё же в общем —
Мы не ропщем! Мы не ропщем!
Мы ведь всё же не бездомны,
И укрыты, и укромны... [1, с. 247].

Далее Ильин, точно взяв нас за руку, проводит по квартире, описывая её. Главы так и называются: «Кухня», «Столовая» и так далее. Перед читателем раскрывается жизнь семьи, переданная с мягким юмором, а порой и с возвышенным пафосом. Образ жизни людей отражён в предметах, что появляются перед нами по мере продвижения по жилищу. Среди описанных в поэме вещей, которые удалось супругам вывезти из Германии, прежде всего те, что хранят память о прошлом и помогают в трудах. Это картины, подаренные друзьями-художниками и привезённые из давнего путешествия по Италии, иконы, фотографии и даже колосья с родной земли. В повествовании образуются как бы три плана: бытовой (с ним связана основная доля шуток в поэме), душевный и духовный. Внимательный взгляд поэта обращен то к читателю, то к реалиям жизни.

Духовный план через описание семейных икон и воспоминания о их обретении раскрывает нам порой то, что было скрыто в биографии Ильина. По соображениям конспирации он практически не оставил воспоминаний о своей жизни, лишь небольшими вкраплениями они встречаются в его переписке. Краткий стихотворный рассказ об иконе, называемой автором «Спас из тюрьмы», попавшей к нему в чекистском заключении, помогает понять, как произошло чудо перерождения Ивана Ильина из молодого интеллигента, с наивной надеждой принявшего революцию в начале 1917 года, в непоколебимого противника Советской власти, поистине огненными словами обличающего её ложь и жестокость. Вот как автор поэмы вспоминает об обретении этого образа, расположенного на стене его кабинета в Цолликоне:

Я обрел его когда-то,
В третий раз быв заключён
И случайно приведён
От бутырского солдата
В камеру, где накануне
Два святителя земли,
Осуждены бывше втуне
В миг последний вознесли
Пред иконой, в подкрепенье,
Исповедное моление...
Мне Никандр, епископ Вятский
Разрешил любовью братской
Взять икону навсегда...
И с тех пор, когда беда
Угрожает мне ловитвой,
Я горячею молитвой
Пред иконою молюсь
И спокоен становлюсь... [5, с. 258].

Святитель Никандр (Феноменов), о котором упоминается здесь, пережил несколько арестов в 1920—1930-е годы. Его напутствие, так же, как и дружеское общение с ныне прославленным в лике святых архиепископом Иоанном Рижским (Поммером), во многом укрепило Ивана Александровича и помогло в жизненных испытаниях.

Ильин далее продолжает заочную «экскурсию», сохранившую память о квартире, где много передумано и написано. В крохотной «опочивальне» на иконе «Ангел строгий, / Сон лелея их убогий, / Осеняя их крылом, / Ограждает весь их дом...» [5, с. 252]. Вот комнатка нежно любимой, преданной жены, «разделительницы бед», «мадам-кухарки», «музы» и «хранителя» поэта Натальи Николаевны, «где живёт её мечта». Здесь рядом с «огромным книжным шкапом» хранится икона, на которой «лик Святого Николая... из угла глядит престрого на людей, забывших Бога...» [5, с.252]. В столовой — древний семейный образ «Матерь Божья Умиленья» («для усердного моления»). Как и другие иконы, автор поэмы не решается описывать её:

Описать икону эту
Слабосильному поэту

Невозможно: светел зрак,
А слова — как древний мрак,
Не способны петь ко свету... [5, с. 259].

Однако автор с удивлением отмечает, что образ, написанный двести лет назад, в цветовой гамме с преобладанием алого и золотого цвета, как бы сам формирует вокруг себя сходные переливы красок: алое кресло и занавес, золотистая лампа над столом с красной скатертью, «алый цвет закрыл весь пол и в обои себя вплёл...» [5, с. 259]. Поэт пытается передать трудноуловимые чувства, которые рождаются перед священными изображениями:

Благодать, святость, тишина
И блаженное прощенье,
И любовь душе дана, —
И струится умиление:
Гимн хвалы душа поёт,
А лампада свет лиёт... [5, с. 260].

Строчки поэмы, связанные с иконными образами, как и некоторые фрагменты переписки философа с И.С.Шмелевым, помогают понять, как много значила в жизни супругов Ильиных сердечная молитва. Мы встречаем в поэме немало вкраплений церковнославянских слов, выражений и словоформ, легко и естественно рождающихся у автора как напоминание об этом родном для русского человека слоге общения с Богом.

Далее описаны художественные произведения, бережно сохранённые изгнанниками и формирующие определенное душевное пространство их жилища. Прежде всего, это картины русских художников, пейзажи уголков родной природы, как бы сбереженные её частицы, подаренные семье и соседствующие с другими приметам Родины — псковским кружевным полотенцем, камышами, травинками — «память ласковой души». Здесь и следы давних путешествий по Италии: копии картин старых мастеров (Микеланджело, Маттео ди Джованни, Вероккио, Фра Беато, Леонардо да Винчи, Боттичелли), и фрагменты произведений античности, итальянские пейзажи и гобелен. Описывая «русскую часть» произведений искусства, бережно хранимых семьей, Ильин вновь раскрывается перед нами как художник, способный создать словами лаконичную и выразительную картину. Уже в передней, сразу у входной двери нас встречает пейзаж художника Макаровского, на котором изображена деревня в окрестностях Пскова, недалеко от Изборска:

Усладителен для ока
Храм, уснувший на заре
Утром рано в ноябре [5, с. 248].
В кабинете Ильина — подаренный при расставании художником М. Нестеровым этюд:
Гаснет в небе луч вечерний,
И в молчании лесном
Ход весны, от века древний,
Мыслит Бога древним сном... [5, с. 248].

Пейзаж, полный ожидания и внутреннего напряжения, воспроизведён здесь так, что философский строй души и музыкальность поэта светятся буквально в каждой строке. Напомним, что нестеровской кисти принадлежит знаменитая картина «Мыслитель» (1921—1922 гг.), где портретное сходство с И.А.Ильиным сочетается с обобщенным образом человека, погруженного в мучительно напряженное размышление о судьбе Родины.

Еще несколько пейзажей украшают стены «жилища изгнанников», на них преобладают весенние и осенние краски, часто переплетенные между собой: повторяется, что весенние деревья «желтеют», скрывая в себе некую загадку. Мы видим вместе с писателем на небольших полотнах предчувствие расцвета природы, русские избы, холмы, реки. Изображение храма с «изумрудно-светлой крышей» («Откровенье — простотою, Сновиденье — красотою <...> И обет, и гимн, и зов» [5, с.261]) устремляет мысли в небеса: «И душе не надо слов, / Чтоб разверзлись её взоры / На родимые просторы...» [5, с. 248]. Из этих строк очевидно, как важно автору и его верной спутнице раздвинуть через картины пределы своего временного приюта, постоянно осознавая необходимость служения родной стране. Тихий свет русской природы не гаснет в этих стенах, почти недоступных солнцу в силу расположения здания, где «всякий вспомнит про пещеру». С любовью описывая изображения, несколькими штрихами, порой по-доброму шутя, попутно очерчивает Ильин образы знакомых художников: «Бакшеев, старец милый ... мастер нежный, жрец, с главою белоснежной» [5, с. 254]: «Это Нестеров-колдун, / Русской прелести ведун» [5, с. 254]. В этом ряду и «Мастер с нежною душой, / Созерцанием живой, / Разыскатель Херувимов — / Друг и брат, Евгений Климов» [5, с. 261].

Рядом помещается несколько портретов — любимого композитора Ильиных Николая Метнера («Ключ текущих песнопений, / Мастер ритма и прозрений») [5, с. 257], портрет жены философа Натальи Николаевны с «вдохновенным взором глаз», репродукция портрета Пушкина кисти О. Кипренского. В своих строчках о художниках, так же, как и в описаниях изображенных ими людей, автор, подобно образам в его духовно-философской прозе, создает своеобразный «портрет души», мало интересуясь внешними чертами. Хотя они присутствуют, но подчинены внутренней жизни образа. Так, на портрете Метнера внимание Ильина приковывают к себе руки музыканта; откликаясь на внимательный взгляд, они как бы оживают:

И персты, в портрете зримы,
Чуя звуковой узор,
Уже ищут перебор...
Миг один — и даль видна...
И, духовно рождена,
Запоёт духовно тема... [5, с. 257].

В связи с упоминанием о Пушкине, творчество которого философ глубоко изучал в ходе подготовки к лекциям о русской литературе для эмигрантов и читателей Западной Европы, считая его «солнечным центром нашей поэзии» и культуры в целом, у Ильина рождается светлый гимн:

Пушкин — радость совершенства,
Пушкин — русское главенство,
Русской славы плеск и звон!
Мудрость зренья, зоркость чувства,
Сердце русского искусства,
Духа русского амвон! <...> [5, с. 265].

Обилие итальянских реликвий показывает, что периоды путешествия, учёбы и лечения в Италии сыграли значительную роль в формировании понимания искусства Ильиным, его восприятия истории. Плавный переход от России к этой южной стране происходит в строчках о картине, изображающей венецианский «Мост вздохов», построенный Антонио Конти в 1602 году:

Тёмный угол озарён,
Возвеличен и прощён;
Всё, что было рокового,
Всё, что здесь и вздох, и стон —
Тайна казни, сумрак злого, —
Божий луч простил и снял!
Улетела скорбь бывшего...
Свет всю тень в себя вобрал... [5, с. 255].

Здесь появляется один из оригинальных ильинских образов, часто встречающийся в духовной прозе философа, — образ «Божьего луча», преображающего душу человека и весь мир вокруг него, — символ зримого действия Божией благодати. В произведениях искусства, принесенных из Италии, Ильин ценит прежде всего ассоциации с духовным миром и религиозным опытом человечества. Микеланджеловская сивилла предрекает, что «грядет благая сила» будущего христианства, в женском портрете «из Сиены мастер ранний / В озаренный некий миг / Сущность святости проник» [5, с. 257]. Фра Беато в своём портрете св. Петра Молчальника (пустынника-подвижника V в.) вместе с изображенным им монахом «велит болтливым нам / Празднословия чуждаться <...>, / Приложивши перст к устам» [5, с. 259]. Этой картине Ильины определили место у телефона, с намёком себе и гостям — «Чтоб того не говорили, / Что в душе не доварили!..» [5, с. 259]. Изображение Марии Магдалины кисти Леонардо рождает у философа исповедальные строки:

И к стопам Его повергнув
Всё — себя, любовь и стон,
Стон отчаянья, надежды, —
Ибо всё простил ей Он, —
Обновленные одежды
Обрела она в слезах...
И осталось лишь в чертах
То, чем вечно святы дети,
Простота и чистота... [5, с. 267.]

Будучи прежде всего философом, Ильин вспоминает древних мудрецов Конфуция и Дидима — с их призывом к благодарности за всё, что приходится в жизни пережить. Старинный гобелен с изображением двух павлинов и чаши в райском саду содержит «тайный символ жизни вечной» [5, с. 269]. Его цветовая гамма лаконично обозначена оборотом: «в тёмной бронзе лиловея» [5, с. 269]. Автор поэмы ввел в неё пересказанную стихами древнюю легенду о прекрасных, неразлучно соединённых птицах, испивших из чаши бессмертия благодаря своей решимости оторваться от «того, что тленно» [5, с. 269]. Если вспомнить любимую идею Ильина о том, что в каждом подлинном произведении искусства есть главное зерно, подобное его душе, «духовное слово о духовных обстоятельствах», то в этой поэме оно, думается, заключено в финале легенды о райских птицах:

И гласит нам гобелен:
Что не вечны тлен и плен;
Что бессмертье нам доступно,
Но лишь там, где совокупно
Мы от тлена воспарим
И любовью вдохновенны
И навек соединенны,

Духом к Богу возгорим <...>;
Что напиток тайный в чаше
Есть духовная любовь;
Что должны мы вновь и вновь
В ней искать спасенье наше,
Ибо Богом в ней дано
Нам бессмертия вино... [5, с. 271].

Рядом с такими возвышенными строками мы встречаем на этих страницах множество шуток, взятых из разговорного обихода. Юмор в поэме не только разнообразит её строй. Смешное в соответствии с ильинским пониманием функции комического как преодоления страданий помогает рассказчику преодолеть уныние, вызываемое бедностью:

А живём мы очень тихо.
И с монетой — ой, нелихо!
И подчас настолько тесно,
Что едим довольно пресно [5, с. 246].
Ещё один предмет напоминает, что тревожат жильцов тяжёлые болезни:
Вот домашний эскулапик
На стене повесил шкапик
Капли, бром и валерьян,
И про всё, про всяк изъян... [5, с. 252].
Нелегко преодолевать и элементарные бытовые сложности:
Словом, не водоснабжение,
А тревога и мученье...
Значит: сальная посуда,
Все стаканы, плошки, блюда...
Всё здесь брызжет, всё здесь трётся,
Оттирается, скребётся,
Всё здесь моет каждый день
Моя ропшущая лень... [5, с. 249].

Особое место в поэме занимают книги. С ними ежедневно была связана творческая и трудовая жизнь автора. Они во множестве обитают, подобно живым существам, в кабинете философа: «Спят, довольны теснотой, <...> прямо — ощупью бери» [5, с. 255], рядом дубовый стол, «весь заваленный листьями, <...> производит в мире зол мой писательский глагол» [5, с. 256]. «Утешения поток» составляет для супругов слушание и исполнение музыкальных произведений, благо в скромном жилище чудом оказался «чёрный Блюэтнера рояль» и «старый чёрный граммофон». Потому повсюду «книги, ноты, / Сладкий мёд блюдут, как соты» [5, с. 256].

Многоплановая поэма И.Ильина «Наше жилище, или Быт и Бытие изгнанников», возможно, не принадлежит к числу поэтических шедевров, но по-своему очень интересна и обладает оригинальной художественностью. Она представляет собой замечательный пример одухотворения окружающего пространства, преодоления бытовой приземлённости. Точно отмеренная доза ильинского юмора позволяет читателю воспринимать эту преображенную реальность живо и непосредственно.

1. Сохряков Ю.И. И.А.Ильин — философ и литературный критик. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 249.
2. Тульская О.С. Древнее сказание «Праведный народ» И.А.Ильина в историко-культурном и философском контексте // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2013. № 4. С. 324-329.
3. Иван Ильин и Россия / Автор-составитель Ю.Т.Лисица. М.: Русская книга, 1999. С. 96.
4. Ильин И.А. Стихотворения // Русский колокол. 2013. № 2. С. 255-256.
5. Ильин И.А. Письма. Мемуары. М.: Русская книга, 1999. С. 245-271.

References

1. Sokhryakov Yu.I. I.A.Ill'in — filosof i literaturnyy kritik [I.A. Ilyin, a philosopher and literary critic]. Moscow, 2004, p. 249.
2. Tul'skaya O.S. Drevnee skazanie "Pravednyy narod" I.A.Ill'ina v istoriko-kul'turnom i filosofskom kontekste" [I.A.Ilyin's ancient legend "Just people" in historical, cultural, and philosophical contexts]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta: Philology series, 2013, no. 4, pp. 324-329.
3. Lisitsa Yu.T., comp. Ivan Ill'in i Rossiya [Ivan Ilyin and Russia]. Moscow, 1999, p. 96.
4. Ill'in I.A. Stikhotvoreniya [Verses]. Russkiy kolokol, 2013, no. 2, pp. 255-256.
5. Ill'in I.A. Pis'ma. Memuary [Letters. Memoirs]. Moscow, 1999, pp. 245-271.

Tul'skaya O.S. On Ivan Ilyin poem "Our dwelling, or mode of life and existence of exiles". The article is devoted to the poetic creativity of the philosopher Ivan Ilyin. The author of the article considers Ilyin's poem, which describes his life and the creativity of the author in emigration in Switzerland. Attention is drawn to his poetic style, peculiar humour and reflection of biographical facts in the poem.

Keywords: the poetic creativity of the philosopher, Ilyin's humor, spiritual reality, "portrait of the soul", the spiritualization of the domestic space, autobiography.

Сведения об авторе. О.С.Тулская — учитель русского языка и литературы Колюбакинской средней общеобразовательной школы Рузского района Московской области, соискатель ученой степени кандидата филологических наук при кафедре русской литературы XX века Московского государственного областного университета; olga.tulskaya.68@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019.